

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/95/7

Роль крестьянства в формировании городского населения Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Ксения Александровна Пожарская¹, Елена Александровна Брюханова²

^{1,2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ kse-pozhar@mail.ru

² elena@hist.asu.ru

Аннотация. На основе преимущественно статистических материалов реконструируется роль крестьянства в формировании городского населения Тобольской губернии во второй половине XIX в. Определяются причины привлекательности для крестьян городской среды, числовые параметры внешних и внутренних миграций крестьян в города губернии, дается анализ отдельных демографических параметров данной категории населения (половой состав, уровень грамотности, национальная принадлежность и др.). Приводятся примеры изменения демографических и экономических характеристик лиц сельского состояния, менявших социально-бытовой уклад.

Ключевые слова: крестьянство, городское население, Тобольская губерния, демографические параметры

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10020 «Урбанизационные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв.: комплексный подход к анализу городского населения по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.».

Для цитирования: Пожарская К.А., Брюханова Е.А. Роль крестьянства в формировании городского населения Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 48–55. doi: 10.17223/19988613/95/7

Original article

The peasantry role in the urban population's formation of the Tobolsk province at the turn of the 19th and 20th century

Ksenia A. Pozharskaya¹, Elena A. Bryukhanova²

^{1,2} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ kse-pozhar@mail.ru

² elena@hist.asu.ru

Abstract. At the end of the 19th century, peasantry became one of the leading class sources of urban population growth in the Tobolsk province. However, this problem has not yet received proper attention in modern Siberian studies. The predominant attention to other classes and professional groups is probably due to the difficulty of correlating the peasantry with the urban lifestyle and society, the limited and scarce sources on the history of peasants living in cities, and the focus of research interest on agricultural migrations of peasants at the turn of the 19th–20th centuries (mainly from the European part of the Russian Empire, as well as intra-Siberian). Meanwhile, the influx of peasants into the cities directly influenced the social situation in the Tobolsk province. The peasantry role in the urban population's formation of the Tobolsk province is reconstructed in the article based mainly on statistical materials (the First General Census of the Russian Empire in 1897 for the Tobolsk province, one-day census of Tobolsk in 1882). Observations and judgments of contemporaries are also involved, relating to various aspects of the Tobolsk province cities' development. The article identifies the most "peasant" cities of the Tobolsk province. The reasons for the attractiveness of the urban environment for peasants, the numerical parameters of the external and internal migrations of peasants to the cities of the province are determined; an analysis of individual demographic parameters of this population category is given (sex, literacy level, nationality, etc.). Specific examples of changes in the demographic and economic characteristics of rural population who have changed the social and household practices are given to illustrate the social modernization's level of the Tobolsk province cities. The article concludes that the process of including peasants in urban society was dichotomous: on the one hand, peasants had directly influenced the socio-cultural appearance and socio-economic conditions of cities, on the other hand, they transformed themselves as a result of the urban environment impact and the refusal from the rural lifestyle. The first trend consisted in such demographic parameters of peasant migrants as the predominance of the male population over the female population, the low percentage of persons with physical disabilities, the "rejuvenation" of the marriageable age, the decrease in the general level of literacy of the population, etc. The second

is illustrated by such facts as the relatively high percentage of literate people among “urban” peasants, the inclusion of women in the sphere of professional employment, etc.

Keywords: peasantry, urban population, Tobolsk province, demographic parameters

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-78-10020 “Urbanization processes in Siberia at the turn of the 19th–20th centuries: an integrated approach to the analysis of the urban population based on the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897.”

For citation: Pozharskaya, K.A., Bryukhanova, E.A. (2025) The peasantry role in the urban population’s formation of the Tobolsk province at the turn of the 19th and 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 48–55. doi: 10.17223/19988613/95/7

В связи с практически полным отсутствием в распоряжении исследователей письменных источников рубежа XIX–XX вв. личного происхождения, созданных крестьянами Западной Сибири (письма, мемуары, записки, автобиографии и т.д.), в исторической науке крестьянство нередко именуется «молчаливым сословием». Это обстоятельство обуславливается целым комплексом причин, в том числе и низким уровнем грамотности данной категории населения Российской империи. Кроме того, отождествление крестьянства с сельским образом жизни и хозяйствования практически оставило за рамками внимания историков крестьян, проживающих в городах. И если проблема роли крестьянства в формировании городского населения Европейской части России конца XIX – начала XX в. нашла отражение в отдельных исследованиях [1–3], то в сибиреведении была затронута лишь фрагментарно, в контексте изучения урбанистических или демографических процессов в Западной Сибири в целом и Тобольской губернии в частности [4–8], а также истории городской [9, 10] и крестьянской семей губернии рубежа веков [11–14]. Меж тем в пореформенное время в указанной губернии именно из крестьянской среды активно рекрутировалось городское население, и крестьянство непосредственно влияло на демографический потенциал и социокультурный облик городов Тобольской губернии. В этой связи важное значение для реконструкции истории «городского» крестьянства конца XIX в. приобретают источники, созданные «сторонними наблюдателями», прежде всего статистические материалы, такие как данные Первой всеобщей переписи 1897 г. по Тобольской губернии и переписи 1882 г. в г. Тобольске, содержащие наиболее распространенные материалы (преимущественно демографического характера) о крестьянском сословии, проживающих в городах и позволяющие формировать комплексное представление о данной категории городского населения.

В пореформенный период население городов Тобольской губернии быстро росло, и в трех городах губернии его численность преодолела отметку в 10 тыс. чел.: в Кургане (10 301 чел.), Тобольске (20 425 чел.), Тюмени (29 455 чел.). Таким образом, в указанных городах проживало почти 2/3 (70%) городского населения губернии. Однако все городское население Тобольской губернии, согласно переписи 1897 г., составляло 87 351 чел. (44 995 д.м.п. и 42 356 д.ж.п.) и равнялось лишь 6,1% всего населения губернии, т.е. по-прежнему сельское население в регионе доми-

нировало и составляло 93,9% жителей [15. С. 46–47]. Для сравнения в Европейской части Российской империи средний показатель городского населения в конце XIX в. составлял 12,5%, что свидетельствует о более низких темпах урбанизации в регионе [15. С. XIII]. Причина более низкого значения показателя жителей городов в общей структуре населения Западной Сибири в целом и Тобольской губернии в частности заключалась в более слабом развитии здесь промышленности и торговли. Тем не менее общесибирская тенденция конца XIX столетия к концентрации экономической активности в городах затронула и рассматриваемую губернию. В частности, торгово-промышленный «задел» Тюмени создавали кожевенная отрасль [16. С. 74] и дубильное производство [17. С. 18; 18. С. 105], а также функционирование железной дороги Екатеринбург–Тюмень, соединявшей Обь-Иртышский бассейн с Волжско-Камским [19. С. 255]. Росту численности населения Кургана содействовал не только приток ссыльных (факт, отмечаемый современниками), но и деятельность контор по скупке масла [20. С. 61–62, 86], в том числе и иностранных (датских и немецких) [17. С. 18; 18. С. 108].

В 90-е гг. XIX в. новой тенденцией демографического и социально-экономического развития Западной Сибири в целом и Тобольской губернии в частности становится зарождение переселенческого движения крестьян (на фоне сокращения фонда свободных и удобных для развития зернового хозяйства земель в южных районах Европейской части империи и роста аграрного перенаселения во внутренних губерниях, а также в связи со строительством Транссибирской магистрали) [21. С. 68–69; 22. С. 66; 23. С. 95–96]. Миграции имели преимущественно земледельческую направленность, и крестьяне активно демонстрировали стремление обосноваться в местностях, идентичных по своим естественным характеристикам районам прежнего проживания, поэтому они, безусловно, устремлялись прежде всего в сельскохозяйственные районы [18. С. 32]. При этом рекордное число переселенцев в губернию было зафиксировано «накануне» проведения всеобщей переписи – в 1896 г. [23. С. 99]. Желая упорядочить переселенческое движение земледельцев, правительство с середины 90-х гг. XIX в. обратилось к практике «ходочества» как удобному способу ознакомления с Сибирью будущих новопоселенцев. Однако под видом ходоков часто скрывались «рабочие», которые, воспользовавшись льготным проездом в регион, нередко безвозвратно оседали в городах Тобольской губер-

нии [23. С. 103]. В связи с отмеченными факторами массовые миграции земледельцев на территорию Зауралья делали менее заметным «скромный поток, вызванный иными мотивами и обстоятельствами, например приток населения в города» [24 С. 139], и отодвигали исследование миграции крестьянства в города Тобольской губернии на второй план. Тем не менее массовое движение крестьян не могло не отразиться на демографическом потенциале сибирских городов. И если в 1860 г. крестьян в городах Тобольской губернии было 8,7% [10. С. 17], то, по данным переписи 1897 г., недавние жители деревни составили уже почти половину жителей, 47,3% (41 292 чел.) [15. С. 47]. Для сравнения отметим, что доля крестьян в постоянном населении городов Европейской России с 1858 по 1897 г. в среднем возросла с 21 до 43% [3. Т. 2. С. 341]. Исследователь Западной Сибири М. Петров еще в начале XX столетия особо подчеркивал, что влияние пришло-го населения из Европейской России сильнее сказывается именно на городах, в то время как в деревнях переселенцы «сами поддаются местным сибирским влияниям» [20. С. 86]. Таким образом, в 1897 г. крестьянское сословие выступило одним из ведущих источников пополнения городского населения Тобольской губернии. Так, Б.Н. Мионов особо отмечал, что «...резко усилившийся поток мигрантов из деревни повлек за собой окрестывание городского населения как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни» [3. Т. 2. С. 341]. Для сравнения следующей по количественному показателю значимой категорией населения городов Тобольской губернии являлось мещанское сословие – 39,7% (34 729 лиц обоего пола), из чего следует, что 12,9% населения городов Тобольской губернии составляли все остальные сословия (различные категории дворян, представители духовенства, купцы, казаки, инородцы и т.д.) [15. С. 47].

Самым многонаселенным городом Тобольской губернии являлась Тюмень (29 544 чел.). Она же была и самым «крестьянским» городом губернии: здесь крестьяне составляли 56,7% (т.е. 16 748 чел.). Следующим городом по численности данной категории в общей структуре населения являлся Тобольск, где было 7 627 крестьян, что составляло 37,3% населения (общая численность 20 425 чел.). Показательно, что однодневная перепись 1882 г. зафиксировала в Тобольске 3 889 крестьян обоего пола. т.е. за 15 лет численность крестьян в данном городе выросла практически вдвое [25]. Высокая доля крестьянства была также в составе населения Кургана (52,6%), Туринска (51,7%), Ишима (50,6%), Тюкалинска (50,6%) и Ялуторовска (48,3%). Самым малочисленным согласно переписи 1897 г. являлось крестьянское население Сургута: 205 чел., т.е. 18,3% населения (общая численность населения 1 120 чел.) [15. С. 47]. Оседание крестьян в городах, либо расположенных по линии Транссибирской магистрали и ее ответвлений, либо занимающих более южное географическое положение, кроме прочего, можно объяснить самим алгоритмом миграции земледельцев, которые нередко лишь зимовали в городах (перепись 1897 г. была проведена в январе), а в дальнейшем от-

правлялись на поиск удобных и свободных для хлебопашества земель.

Поскольку Сибирь в Российской империи традиционно выступала в качестве региона активной колонизации, а на рубеже XIX–XX вв. миграционное движение проходило новый активный виток своей истории, интересным представляется выяснения вопроса о «пришлом» компоненте среди лиц сельского состояния в городах Тобольской губернии. Из общего состава населения десяти городов губернии 17 017 чел. обоего пола (40%) являлись местными жителями, уроженцами других округов, губерний и государств были 25 381 чел. обоего пола (60%). При этом, как и в Европейской части Российской империи, в крупнейших городах Тобольской губернии доля «внешних» мигрантов, т.е. прибывших из других округов Тобольской губернии, других губерний или государств, была выше: в Тюмени 77% лиц сельского состояния, в Тобольске – 67%, в Ишиме – 44%, в Кургане – 40%. При этом в Тюмени из 16,8 тыс. жителей-крестьян 8,2 тыс. переселились из других губерний (49%), в Тобольске – 1,7 тыс. из 7,9 (21,5%), в Ишиме – 1,3 тыс. из 3,6 (36%), в Кургане – 1,7 тыс. из 5,4 (31%) жителей-крестьян [15. С. 35]. Миграции крестьян, уроженцев Тобольской губернии, в города вполне объяснимы экономическими причинами: неурожаи и голодные годы приводили к оттоку сельского населения в города, найму крестьян в услужение или чернорабочими, а также «превращению» их в городских маргиналов [7. С. 20]. В то же время обращает на себя внимание высокий процент лиц сельского состояния из числа местного населения в так называемых «малых городах» губернии (исключение составляет население города Тюкалинска). Так, в Сургуте местными являлись 72% лиц сельского состояния (192 чел. обоего пола из 266), в Березове – 68% (280 из 410) [15. С. 35]. Таким образом, пути пополнения населения сельским элементом в малых и больших городах различались. И если крупные города притягивали крестьян из-за пределов Тобольской губернии, то в малые, более северные, города направлялся поток местных сельчан.

О более широкой (в географическом отношении) мобильности мужчин свидетельствует то обстоятельство, что среди «городских» крестьян выходцев из других губерний в численном выражении доминировало мужское население. Согласно переписи 1897 г. диспропорция выглядела следующим образом: 9 117 мужчин были уроженцами других губерний, в то время как только 6 266 крестьянок родились за пределами Тобольской губернии. Более легкие на подъем мужчины являлись поставщиками отходников и переселенцев, что в дальнейшем рельефно проявится в период реализации переселенческой политики правительства П.А. Столыпина. В то время как женщины, сравнительно более сильно эмоционально привязанные к дому, родным и знакомым, опасавшиеся за жизнь и здоровье детей, демонстрировали меньшую расположенность к переселению, нередко выступали в роли отговаривающих мужей от столь судьбоносного и сопряженного с рисками шага [26. С. 128–129].

Половая диспропорция была характерна и для всего крестьянского населения Тобольской губернии. Так,

численность лиц женского пола в губернии была на 2 788 чел. меньше, чем мужского, т.е. на 22 040 мужчин приходилось 19 252 женщины. При этом женщин-дворянок (потомственных и имеющих личное дворянство, представителей чиновничества) было на 393 чел. больше, чем мужчин данной категории. Превалирование женского населения над мужским было характерно и для купцов и мещан. Все остальные категории населения, учтенные переписью 1897 г., демонстрировали незначительную половую диспропорцию [15. С. 46–47]. Численное преобладание в городах Тобольской губернии мужчин объясняется сосредоточением в них солдат, арестантов, приходом рабочих из сельского хозяйства в свободное от полевых работ время, а также ходоков, ссыльных и чиновников на пенсии [27. С. 5]. Нельзя забывать, что Сибирь не только являлась «местом каторги и ссылки», но и выступала как «страна» колонизирующаяся, привлекавшая людей, заинтересованных в улучшении своей жизни, ищущих Беловодье либо несогласных с порядками, существовавшими в Европейской части страны [28. С. 325].

Еще одним «доказательством» того, что большая часть крестьян, проживавших к началу 1897 г. в городах Тобольской губернии, являлась пришлым населением, выступают данные о лицах, имеющих физические недостатки. Так, Первая всеобщая перепись зафиксировала крестьян в числе лиц сельского состояния (т.е. совместно с казаками, иностранными поселенцами и т.п.), среди которых слепыми от рождения являлись только 0,06% (29 чел. обоего пола), глухонемыми – 0,06% (29 чел. об. п.), немыми – 0,01% (7 чел. об. п.), ослепшими – 0,12% (54 чел. об. п.), умалишенными – 0,14% (60 чел. об. п.). Наиболее частым недугом, встречающимся у лиц сельского состояния, проживающих в городах губернии (60 чел. об. п., из них в Тобольске – 38 чел. об. п.), выступали психические заболевания, что вполне объяснимо фактом функционирования в Тобольске больницы для умалишенных [15. С. XLV, 145]. В целом среди лиц сельского состояния имели физические недостатки (слепота, глухота, немота, слабоумие (врожденные или приобретенные) 179 чел., или 0,42%. Таким образом, количество людей с врожденными или приобретенными физическими недостатками среди лиц сельского состояния было незначительным. При этом важно понимать, что слепота и глухота не означали неспособность к труду, и, например, при проведении однодневных переписей в Омске и Иркутске в 1882 г. вопрос о физических недостатках был сформулирован иначе: респондентов спрашивали о неспособности к производительному труду по дряхлости или увечью [29. С. 23].

Данные переписи 1897 г. позволяют определить национальный состав сельских обывателей городов Тобольской губернии на основании сведений о родном языке. Так, из 41 292 крестьян русских (великороссы вместе с белорусами и украинцами) было 39 029 чел., или 94,5%; татар – 674 чел.; поляков – 491 чел.; финнов – 367 чел.; мордвы – 251 чел.; евреев – 240 чел. [15. С. 225]. Исследователи отмечали тесное межкультурное взаимодействие в городах. М. Петров сделал следующее наблюдение: «...евреи гораздо сильнее

сливаются с местным населением; их обособленность от русских не так резко заметна, как в России; вероятно, это происходит от того, что в Сибири на них не открывают гонений и притеснений, заставляющих евреев в России ныне сплотиться и обособиться» [20. С. 94]. Схожее наблюдение о влиянии соседского проживания русских и татар Тобольской губернии содержал «Список населенных мест»: «Живя среди русских, татары успели усвоить себе некоторые обычаи их, например женщины уже не прячутся от мужчин и находятся не в столь загнанном положении, как бывало прежде, или ныне в домах татар, особенно пригородных, можно заметить на стенах обои, на окнах шторы и цветы» [30. С. 157].

Представляют определенный интерес данные о грамотности лиц сельского состояния Тобольской губернии. Данные переписи рельефно свидетельствуют о том, что около трети лиц сельского состояния, проживавших в городах Тобольской губернии, являлись грамотными: в частности, 33% в Туринске, 32% в Сургуте, по 30% в Тобольске и Березове, по 29% в Кургане и Ялуторовске. Только в Тюмени, Таре, Тюкалинске и Ишиме 27%, 22%, 23% и 25% сельских обывателей соответственно были грамотными. В целом, 27,3% крестьян (37,2% мужчин и 16,1% женщин), проживающих в городах Тобольской губернии, владели грамотой [15. С. 50]. При этом только 8,7% крестьян из сельской местности губернии были грамотными, а доля грамотных среди горожан, принадлежавших другим сословиям (дворянство, духовенство, почетные граждане, купцы и др.), составляла 40% [15. С. 48–49, 50]. Отмечая сравнительно высокую грамотность городского населения Западной Сибири, И.И. Завалишин писал: «Много есть грамотных и между крестьянами, из которых достаточно отдают детей своих, как выражаются они, “в науку”, иногда церковнослужителям, но большею частью ссыльнопоселенцам» [16. С. 77]. Роль ссыльных (прежде всего политических) в деле просвещения городского населения отмечалась и другими современниками [20. С. 90]. В то же время необходимо понимать, что сравнительно с Европейской частью России Сибирь в целом демонстрировала отставание по показателю грамотности населения. Так, согласно сведениям, представленным в статистико-документальном справочнике «Россия 1913 г.», в городах всей Сибири грамотными являлись 39,4% жителей обоего пола, а в городах Европейской части России – 45,3% [31. С. 327]. При этом, как отмечал Б.Н. Миронов, движение крестьян в город тормозило темпы роста грамотности всего городского населения, особенно в крупных городах, куда направлялся основной приток мигрантов [3. Т. 2. С. 342].

Наиболее высокий процент грамотных, согласно данным переписи по городам Тобольской губернии, давали две возрастные группы крестьян: 10–19 и 20–29 лет. В Ялуторовске они составляли 68% от числа грамотных, в Кургане – 63%, в Ишиме – 61%, в Тобольске – 60%, в Таре – 59%, в Туринске – 55%, в Тюкалинске – 59%, в Тюмени – 58%. Только в двух городах губернии количество грамотных детей и лиц до 30 лет не преодолело отметку в 50%: в Сургуте и Бере-

зове 40 и 49% соответственно. Данные показатели демонстрируют общую тенденцию, характерную для городских жителей и заключающуюся в стремлении дать образование детям. Интересно отметить, что в крупнейших «крестьянских» городах губернии сравнительно большим был процент грамотных молодых крестьянок. Например, в Тобольске среди грамотных лиц от 10 до 29 лет женщины составляли 32%, в Тюмени – 33%, в Кургане – 37% [15. С. 50]. Объяснить эти показатели можно фактом функционирования в городах женских учебных заведений. Так, в Тобольске работала первая в Сибири Мариинская школа, а в воскресных школах в Тобольске, Тюмени и Кургане только в 1897 г., по сведениям Словаря издательства Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, обучались около 200 лиц женского пола. В целом, согласно информации данного энциклопедического издания, в губернии работали шесть женских гимназий, одно женское двухклассное училище, повивально-фельдшерская школа, школы народные и сельские разных министерств, церковно-приходские, школы грамоты и др. [32. С. 380].

Одним из проявлений социальной модернизации в пореформенное время выступало снижение уровня брачности, имевшее под собой целый ряд причин: более быстрый рост безбрачия среди городского населения, диспропорция между полами в пользу мужчин за счет переселенцев из сельской местности и др. [33. С. 158]. Данные переписи 1897 г. не позволяют вычислить коэффициент брачности (количество браков на 1 000 чел.) среди крестьян, учтенных в городах Тобольской губернии. Тем не менее материалы переписи содержат числовые данные о количестве холостых лиц обоего пола, состоящих в браке и вдовых мужчинах и женщинах, а также разведенных и не указавших семейного положения лицах обоего пола, проживавших в Тюмени, Тобольске и Кургане. Так, согласно материалам переписи, в трех крупнейших городах губернии среди лиц сельского состояния мужского пола холостыми являлись 54,2% (8 574 чел.), женатыми 40,6% мужчин (6 421 чел.), вдовыми – 5% (791 чел.), разведенными – 0,1% (19 чел.), не указали данные о семейном положении – 0,1% (17 чел.). Среди женщин незамужними были 49,5% (6 968 чел.), замужними – 38,5% (5 428 чел.), вдовами – 11,8% (1 666 чел.), разведенными – 0,1% (19 чел.), не указали информацию – 0,1% (10 чел.) [15. С. 73]. Как видно из данных подсчетов, лица обоего пола, не вступившие в брак, превалировали над другими категориями лиц, имеющими иной семейный статус, что лишь подтверждает ранее приведенную тенденцию. Несмотря на то, что материалы переписи не позволяют установить возраст вступления «городских» крестьян в первый брак, целесообразно привести мнение современной исследовательницы городской семьи Тобольской губернии Л.В. Юнусовой о том, что крестьяне, переселявшиеся в города, привносили свои брачные традиции и в том числе несколько «омолаживали» брачный возраст в разрезе всех жителей губернии [10. С. 18]. В целом, если обратиться к проблеме установления брачного возраста населения городов Тобольской губернии без распределения его по сословной принадлежности, то

картина выглядела следующим образом: 0,15% женщин, имеющих статус «замужем», были в возрасте 15–16 лет, 3,5% – 17–19 лет, 30,5% – 20–29 лет, 28,8% – 30–39 лет, 19,4% – 40–49 лет, 11% – 50–59 лет, 6,3% – в возрасте старше 60 лет. У мужчин возрастная планка несколько повышалась: перепись не зафиксировала мужчин 15–16-летнего возраста, состоящих в браке; 0,3% из женатых мужчин вступили в брак в 17–19 лет, 19,6% – в 20–29 лет, 29% – в 30–39 лет, 23,4% – в 40–49 лет, 15,4% – в 50–59 лет, и 12% мужчин старше 60 лет находились в браке [15. С. 26–27].

Интересно, что данные переписи зафиксировали низкий уровень занятости жителей городов Тобольской губернии. Так, из 87 351 жителей городов губернии, лишь 43 757 чел., или 50%, имели какие-либо занятия. При этом «сельское хозяйство (земледелие)» в качестве занятия в городах указали 1 330 чел., т.е. если предположить, что в данную сферу деятельности вовлекались крестьяне городов Тобольской губернии, то получается, что лишь 3,2% крестьян сохранили свою земледельческую специализацию в городской местности [15. С. 130]. Как отметили Ю.М. Гончаров и В.С. Чутчев, низкий статус земледельческих занятий горожан объяснялся социально-экономическими факторами: развитием товарно-денежных отношений в пореформенную эпоху и сокращением сельскохозяйственных ресурсов городов [34. С. 179]. Поскольку данные переписи 1897 г. по Тобольской губернии не содержат сведений о распределении занятий по сословиям, целесообразно обратиться к данным однодневной переписи Тобольска 1882 г. Так, согласно ее сведениям, большинство крестьян, проживавших в городе, занимались поденным чернорабочим трудом (304 чел.), служили прислугой (570 чел.), а также занимались различными ремеслами, преимущественно плотницким (100 муж.) и швейным делом (31 жен.). При этом на 1 645 крестьян обоего пола, самостоятельно трудящихся, согласно данной переписи, приходилось 2 244 чел., находящихся на иждивении, что свидетельствует о высокой экономической нагрузке, которую несли крестьяне – жители города, так как на каждого жителя приходилось 1,4 иждивенца. Однодневная перепись Тобольска 1882 г. позволяет также определить процент женщин, принадлежавших к крестьянскому сословию и зарабатывающих на жизнь самостоятельно – 590 чел., или 31,4% жительниц [25. С. 397]. Важно отметить, что данный показатель был самым высоким среди других сословий города. Так, процент женщин, зарабатывающих на жизнь самостоятельно, у купечества составлял 9,6%, среди почетных граждан – 17,3%, духовенства – 18,9%, разночинцев – 19%, мещан – 20,4%, дворян – 21,5% [25. С. 397–398]. Объяснением данной «победы» могут выступать финансовые соображения, потребность вовлечения женщин в сферу оплачиваемого, а не только домашнего, труда в условиях городского образа жизни (часто съемное жилье, отсутствие приусадебного хозяйства, потеря кормильца и т.д.), а также, как уже отмечалось, значительное количество иждивенцев в структуре семей. Современный алтайский историк Ю.М. Гончаров приводит следующие примеры женских «промыслов» Тобольска: делание

рукавиц и чирков, прядение ниток, тkanie рогож, выделыванием мехов, приготовление и продажа калачей и кваса и др. [28. С. 331].

Таким образом, на рубеже XIX–XX в. в городах Тобольской губернии ведущим источником пополнения и «обновления» городского населения выступили русские крестьяне. Процесс формирования населения крупнейших городов губернии осуществлялся в результате внешних миграций крестьян (Тюмень, Тобольск, Ишим), в то время как в малых городах рост населения осуществлялся за счет внутренних мигрантов и рекрутинга местных крестьян (Березов, Сургут). Процесс адаптации недавних сельских жителей в городской среде носил разнонаправленный характер. Так, материалы Первой всеобщей переписи 1897 г. позволили установить, что, с одной стороны, крестьяне непосредственно влияли на демографическую конъюнктуру городов Тобольской губернии (преобладание мужского населения над женским, низкий процент лиц

с физическими недостатками, «омоложение» брачного возраста, понижение общего уровня грамотности населения), с другой стороны, вовлечение в городской образ жизни и необходимость выживания в новой социально-экономической среде приводили к видимым трансформациям новых горожан (отказ от земледельческого труда, сравнительно высокий процент грамотных, участие женщин в профессиональном труде, нивелирование этнической обобщенности отдельных национальных групп крестьян). Включение крестьян, проживающих в городах, в сферу наемного труда свидетельствовало о развитии буржуазных отношений и размывании сословной структуры российского общества рубежа веков, а сам акт крестьянских миграций в города (а не другие сельскохозяйственные районы), приводивший к отказу от традиционных видов занятий (земледелие, скотоводство, промыслы) и деревенского образа жизни, являл собой важный этап его модернизации.

Список источников

1. Рындинский П.Г. Крестьяне и город в дореформенной России // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 26–40.
2. Рындинский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. : (взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М. : Наука, 1983. 269 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с.
4. Горюшкин Л.М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 74–86.
5. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2000. 141 с.
6. Тяпкина О.А. Сословный состав населения малых городов Западной Сибири во второй половине XIX в. // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 25–28.
7. Панишев Е.А. Социально-демографическое развитие Тобольской губернии в 1861–1913 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 23 с.
8. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2014. 252 с.
9. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 384 с.
10. Юнусова Л.В. Городская провинциальная семья Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
11. Зверев В.А. Внутрисемейные отношений у русских крестьян Сибири конца XIX – начала XX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1981. С. 92–108.
12. Зверев В.А. Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1984. С. 103–113.
13. Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1991. 148 с.
14. Лобанова Л.В. Русская крестьянская семья Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
15. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1905. Т. 78: Тобольская губерния. 247 с.
16. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Томская губерния. М. : О-во распространения полез. зн., 1865. 276 с.
17. Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М. : тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. 183 с.
18. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск : Сиб. отд-ние Всеросс. центр. союза потреб. о-в, 1921. 175 с.
19. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
20. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. М., 1908. 205 с.
21. Рашин А.Г. Население России за 100 лет : статистические очерки. М. : Госстатиздат, 1956. 351 с.
22. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с.
23. Вибс П.П. Переселение крестьян Европейской России в Тобольскую губернию во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1994. № 3. С. 94–114.
24. Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. 202 с.
25. Дмитриев-Мамонов А.И. Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 351–404.
26. Зверев В.А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
27. Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 1997. 171 с.
28. Гончаров Ю.М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX в. // Социальная история. 2003 : ежегодник. М. : Наука, 2003. С. 324–341.
29. Однодневные переписи населения главных городов Сибири // Записки Западно-Сибирского отдела государственного Русского географического общества. Омск, 1882. Кн. IV. С. 18–29.
30. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1871. Вып. 60: Тобольская губерния: ... по сведениям 1868–1869 гг. 196 с.
31. Россия, 1913 г. : статистико-документальный справочник / отв. ред. А.П. Корелин. СПб. : Блиц, 1995. 416 с.

32. Кауфман А.А. Тобольская губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. : Тип. Брокгауз–Ефрон, 1901. Т. 33. С. 375–384.
33. Гончаров Ю.М. Демографические процессы в городах Тобольской губернии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. Вып. 7. С. 158–165.
34. Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2012. 244 с.

References

1. Ryndzyunskiy, P.G. (1955) *Krestyane i gorod v doreformennoy Rossii* [Peasants and the city in pre-reform Russia]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 26–40.
2. Ryndzyunskiy, P.G. (1983) *Krestyane i gorod v kapitalisticheskoy Rossii vtoroy poloviny XIX v.: (vzaimootnosheniye goroda i derevni v sotsialno-ekonomicheskom stroye Rossii)* [Peasants and the city in capitalist Russia of the second half of the 19th century: the city – village relationship in the socio-economic structure of Russia]. Moscow: Nauka.
3. Mironov, B.N. (2003) *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the imperial period (18th – early 20th century)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
4. Goryushkin, L.M. (1975) K kharakteristike narodonaseleniya Sibiri perioda imperializma [On the characteristics of the population of Siberia during the imperialist period]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Voprosy istorii sotsialno-ekonomicheskoy i kulturnoy zhizni Sibiri* [Problems of the History of Socio-economic and Cultural Life of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 74–86.
5. Sagaydachnyy, A.N. (2000) *Demograficheskie protsessy v derevne Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Demographic processes in the rural Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography.
6. Tyapkina, O.A. (2001) Sosloynnyy sostav naseleniya malykh gorodov Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Class composition of the population of small towns in Western Siberia in the second half of the 19th century]. In: *Gumanitarnye issledovaniya na poroge novogo tysyacheletiya* [Research in Humanities on the threshold of the new millennium]. Barnaul: Altai State University. pp. 25–28.
7. Panishev, E.A. (2010) *Sotsialno-demograficheskoe razvitiye Tobolskoy gubernii v 1861–1913 gg.* [Socio-demographic development of Tobolsk province in 1861–1913]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.
8. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2014) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century: Population. Economy. Development and Improvement]. Barnaul: Altai State University.
9. Goncharov, Yu.M. (2002) *Gorodskaya semya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Urban Family of Siberia in the Second half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul: Altai State University.
10. Yunusova, L.V. (2013) *Gorodskaya provintsialnaya semya Tobolskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Urban provincial family of Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
11. Zverev, V.A. (1981) Vnutrisemeynye otnosheniya u russkikh krestyan Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. [Intra-family relations among Russian peasants of Siberia in the late 19th – early 20th century]. In: *Krestyanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma* [Peasantry of Siberia during the decomposition of feudalism and development of capitalism]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. pp. 92–108.
12. Zverev, V.A. (1984) Osobennosti estestvennogo dvizheniya gorodskogo i selskogo naseleniya Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [Natural movement of urban and rural population of Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. In: *Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskiy period* [City and village of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. pp. 103–113.
13. Zverev, V.A. (1991) *Semeynoe krestyanskoe domokhozaystvo v Sibiri epokhi kapitalizma (istoriko-demograficheskiy analiz)* [Peasant family household in Siberia during capitalism (a historical and demographic analysis)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.
14. Lobanova, L.V. (2013) *Russkaya krestyanskaya semya Tobolskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Russian peasant family of Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
15. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [First General Census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 78. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
16. Zavalishin, I. (1865) *Opisanie Zapadnoy Sibiri. Tomskaya guberniya* [Description of Western Siberia. Tomsk province]. Moscow: O-vo rasprostraneniya polezn. kn.
17. Golovachev, P.M. (1914) *Ekonomicheskaya geografiya Sibiri* [Economic Geography of Siberia]. Moscow: I.D. Sytin.
18. Oganovskiy, N.P. (1921) *Narodnoe khozaystvo Sibiri* [National Economy of Siberia]. Omsk: Sib. otd-nie Vseross. tsentr. soyuza potreb. o-v.
19. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Petrov, M. (1908) *Zapadnaya Sibir: gubernii Tobolskaya i Tomskaya* [Western Siberia: Tobolsk and Tomsk provinces]. Moscow: [s.n.].
21. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let* [Population of Russia for 100 years]. Moscow: Gosstatizdat.
22. Stepynin, V.A. (1962) *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of Yenisei province during capitalism]. Krasnoyarsk: [s.n.].
23. Vibe, P.P. (1994) *Pereselenie krestyan Evropeyskoy Rossii v Tobolskuyu guberniyu vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Resettlement of peasants from European Russia to Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th century]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 3. pp. 94–114.
24. Pokshishevskiy, V.V. (1951) *Zaselenie Sibiri (istoriko-geograficheskie ocherki)* [Settlement of Siberia (historical and geographical essays)]. Irkutsk: Irkut. obl. gos. izd-vo.
25. Dmitriev-Mamonov, A.I. (1884) Odnodnevnyaya perepis' naseleniya goroda Tobolska 11 aprelya 1882 g. [One-day census of the population of Tobolsk on April 11, 1882]. In: *Pamyatnaya knizhka Tobolskoy gubernii na 1884 god* [Memorial book of Tobolsk province for 1884]. Tobolsk: [s.n.]. pp. 351–404.
26. Zverev, V.A. (1993) *Deti – ottsam zamena. Vosproizvodstvo selskogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.)* [Children are fathers' replacement. Reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: NSPU.
27. Gushchin, N.Ya. & Isupov, V.A. (eds) (1997) *Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX v.* [Population of Western Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: RAS.
28. Goncharov, Yu.M. (2003) Zhenshchiny frontira: sibiryachki v regionalnom sotsiume serediny XIX – nachala XX v. [Women of the Frontier: Siberian Women in the Regional Society of the Mid-19th – Early 20th Century]. In: *Sotsialnaya istoriya. 2003* [Social History. 2003]. Moscow: Nauka. pp. 324–341.
29. The State Russian Geographical Society. (1882) Odnodnevnyye perepisi naseleniya glavnykh gorodov Sibiri [One-day censuses of the population of the main cities of Siberia]. In: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the State Russian Geographical Society]. Vol. 4. Omsk: [s.n.]. pp. 18–29.
30. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1871) *Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlenkiye i izdavaemye Tsentralnym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del* [Lists of populated areas of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 60. St. Petersburg: Karl Wulf.
31. Korelin, A.P. (ed.) (1995) *Rossiya, 1913 g.: statisticheskoe-dokumentalnoye spravochnik* [Russia, 1913: statistical and documentary reference book]. St. Petersburg: Blits.

32. Kaufman, A.A. (1901) Tobolskaya guberniya [Tobolsk province]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 33. St. Petersburg: Tip. Brokgauz-Efron. pp. 375–384.
33. Goncharov, Yu.M. (2007) Demograficheskie protsessy v gorodakh Tobolskoy gubernii [Demographic processes in the cities of Tobolsk province]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*. 7. pp. 158–165.
34. Goncharov, Yu.M. & Chutchev, V.S. (2012) *Meshchanskoe soslovie Zapadnoy Sibiri* [The petty bourgeois class of Western Siberia]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

Сведения об авторах:

Пожарская Ксения Александровна – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kse-pozhar@mail.ru

Брюханова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: elena@hist.asu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Pozharskaya Ksenia A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kse-pozhar@mail.ru

Bryukhanova Elena A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: elena@hist.asu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 07.02.2022; accepted for publication 15.05.2025